

Шевцов Константин Павлович

ЗАБЫВАНИЕ И ПАМЯТЬ В СТРУКТУРЕ ЛИЧНОГО ТОЖДЕСТВА

В статье анализируется роль памяти и забвения в формировании идентичности. Основой для анализа служит исследование Яна Хакинга психического расстройства 'Dissociative Identity Disorder', вызывающего формирование в одном индивиде различных центров идентичности. Пример этого расстройства показывает, что даже в случае множественной идентичности присутствует потребность в формировании тождества на основе отнесения памяти к тому, что остается за ее пределами, в области изначально забытого.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/2/52.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 2 (64). С. 211-213. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 1(130.2)

Философские науки

В статье анализируется роль памяти и забвения в формировании идентичности. Основой для анализа служит исследование Яна Хакинга психического расстройства 'Dissociative Identity Disorder', вызывающего формирование в одном индивиду различных центров идентичности. Пример этого расстройства показывает, что даже в случае множественной идентичности присутствует потребность в формировании тождества на основе отнесения памяти к тому, что остается за ее пределами, в области изначально забытого.

Ключевые слова и фразы: забывание; память; прошлое; настоящее; идентичность; история; традиция; архив; власть; насилие; расстройство.

Шевцов Константин Павлович, к. филос. н.

Санкт-Петербургский государственный университет

shvkst@list.ru

ЗАБЫВАНИЕ И ПАМЯТЬ В СТРУКТУРЕ ЛИЧНОГО ТОЖДЕСТВА

Мы припоминаем то, что забыли на время, и подобно тому, как воспоминание прошедших событий приоткрывает нам *прошлое*, также и забытое, возвращенное в припоминании, позволяет ощутить сопротивление *изначально забытого*, забытого как такового. Современный интерес гуманитарных дисциплин к проблеме памяти во многом связан с вопросом о том, что мы можем помнить о забытом, неприпоминаемом. По известному выражению Пьера Нора, «о памяти столько говорят только потому, что ее больше нет» [2, с. 17]. Историография в традиционном смысле разрушает простую непрерывность памяти, и потому в отношении ее можно говорить, например, о «возвышенном историческом опыте», противопоставляя его памяти, как это делает Франклин Анкерсмит [1, с. 213]. При этом память настолько глубоко укоренена в самой структуре социального, его власти и формах самосознания, что даже забвение памяти в историографии все еще остается некой формой скрытого господства забытого, уже не репрезентации, но прямого вторжения прошлого в настоящее.

В известном смысле насилие прошлого лишь возвращает в перевернутом виде насилие настоящего над прошлым, более привычное для нас подчинение прошлого господствующим формам культурной и социальной идентичности. Не случайно Мишель Фуко в своем археологическом проекте выступает против диктата памяти и ставит своей целью отказ от претензий на репрезентацию прошлого, зависящей от готовности социальных групп создавать тот или иной образ своего прошлого [4, с. 10]. И на социальном, и на индивидуальном уровнях память всегда оказывается в центре борьбы за власть, причем главным объектом претензий является как раз утраченное памятью, забытое, выпавшее из непрерывности традиции и наследования, сокрытое или отчужденное. Любопытный пример подобной борьбы за власть над памятью анализируется Яном Хакингом в связи с историей открытия, диагностики и лечения психического расстройства, получившего официальное название *Multiple Personality Disorder*, замененное впоследствии более сдержанным *Dissociative Identity Disorder* (DID). В книге *Rewriting the Soul: Multiple Personality and the Sciences of Memory* Хакинг предлагает рассмотреть «диссоциативную идентичность» как особую парадигму размышлений о памяти, позволяющую поставить более общий вопрос, а именно, как определяется роль памяти в современном мире, в особенности в той области знания, которую автор относит к современным «наукам о памяти».

Симптомы болезни, признанной Американской психиатрической ассоциацией только в 1980 году (в последние десятилетия ее распространение сравнивалось даже с эпидемией), состоят в том, что за случаями скоротечной, но часто повторяющейся амнезии обнаруживается не полная потеря памяти, а пробуждение самостоятельных агентов, идентифицирующих и сознающих себя, которые берут на себя ответственность за поведение человека, и хотя они чаще всего осведомлены о существовании «нормальной» личности-хозяина, для самой этой личности они, как правило, остаются совершенно неизвестными [7, р. 33]. Основная идея терапевтов состояла в том, что насилие (чаще всего, сексуальное), которому «множественные» были подвергнуты в детстве, вызвало к жизни такие версии «себя», которые могли за себя постоять, позволяли приспособиться к действительности, укрепляясь в ней по мере того, как основное «Я» сохраняло за собой позицию слабого. Впрочем, эта идея, вполне убедительная в свете многочисленных воскрешений в памяти ужасных подробностей насилия, стала постепенно угрожать всей диагностической концепции DID, поскольку истории насилия и подробности его совершения становились все более многочисленными и все более ужасающими (а потому и все менее вероятными).

Работа Хакинга ставит задачу показать, как сформировалась подобная «конфигурация идей», как проявляет себя пластичность субъективности, в какой мере характеристики болезни зависят от клинических методик анализа, предпочтений и ожиданий врачей [Ibidem, p. 21]. Объяснение симптомов болезни посредством пережитых в прошлом событий затемняет тот факт, что само воспоминание осуществляется лишь через пере-осмысление, пере-описание и даже пере-чувствование прошлого. Как отмечает Хакинг, за последние десятилетия постоянно изменялось то, что пациенты считали возможным или необходимым говорить о себе [Ibidem, p. 227], и едва ли не главным достижением концепций «множественной персональности», о котором можно говорить как о не подлежащем сомнению, стало то, что они «обеспечили новый способ для человека быть несчастным» [Ibidem, p. 236].

Как и в поле историографии, индивидуальное прошлое здесь предстает лишь как насилие и преступление, несоизмеримое памяти и потому порождающее множество идентичностей, позволяющих справиться с обостренной и болезненной чувствительностью к настоящему.

Проблема личной идентичности давно стала полем противоборства различных стратегий и политик памяти и «технологий себя». Мы коснемся лишь одного существенного аспекта проблемы, который в свое время был воспринят как внутренний парадокс концепции личности, разработанной Джоном Локком. Локковская позиция складывается из двух принципиально разных моментов, одним из которых, назовем его психологическим, является идея о непрерывности воспоминания как основы сознания «Я», а вторым, религиозно-этическим, служит память о будущих наградах и наказаниях как условие ответственности лица за совершенные им поступки [5, с. 201]. Очевидно, что воспоминание здесь понимается в двух совершенно различных смыслах, поскольку, с одной стороны, мы можем вспоминать лишь достаточно небольшую часть своей жизни, забывая бесчисленное количество переживаний, малозначительных (а иногда и достаточно важных) событий и поступков, однако, с другой стороны, все эти события и поступки *в момент их совершения* уже должны быть отмечены *воспоминанием о будущем*, ибо нам не избежать ответственности за них. Таким образом, мы забываем прошлое, которое на самом деле уже стало предметом памяти, и следовательно, в основу тождества личности должно быть заложено определенное *отношение к забытому, память забытого*, которое определяет само сознание «Я» как форму ответственности за себя.

Эта трудность понимается Дэвидом Юмом как неразрешимый парадокс локковской концепции тождества [6, с. 323]. Можно ослабить этот парадокс, упростив требования, предъявляемые к непрерывности воспоминаний, в таком случае мы придем к редукционизму в духе Дерекы Парфита, в рамках которого будем говорить лишь о той или иной форме психической связности (наслаивании воспоминаний, непрерывности намерений и пр.); если же такая связность покажется недостаточно надежным критерием тождества, то можно и вовсе отказаться от понятия личности как излишне догматичного [3, с. 278]. Тем самым, очевидно, мы избавляемся от религиозно-этической стороны вопроса, однако для Локка именно этот момент является необходимым для определения социальной и политической природы идентичности, и поскольку единичный субъект сознательно включает себя в мир других, мы должны найти способ оценить личность в ее поступках как актах *утверждения себя в качестве лица*, в качестве значимой для других позиции в бытии. На примере страдающих DID мы видим, как в одном человеке различные психические непрерывности могут выступать основой разных идентичностей, обнаруживая неспособность собрать коллективную идентичность “alters” в единство; но еще поразительнее то, что мы обнаруживаем неуклонную *волю к созданию идентичностей*, особых лиц, распределяющих между собой бремя существования, тяжесть изначально забытого, разрывающего простую фактичность присутствия. Как показывает Хакинг, вопрос отнюдь не в отказе от забытого; наоборот, мы имеем дело с настоящим влечением к забытому как источнику идентичностей, опровергающим простую каузальность памяти ради *разных возможностей быть собой*, разных способов свидетельствовать от первого лица.

Размышляя над фантастической сценкой транспортировки на Марс путем уничтожения тела на Земле и воссоздания его в точке назначения, Парфит резонно заключает, что подобная *полная* рекреация существенно ничем не отличается от простого продолжения существования [Там же, с. 259]. И все же так было бы лишь в том случае, если бы мы не переживали само *разрушение как опыт*, то самое *превращение* настоящего в прошлое, которое переносит его в новый момент существования в качестве будущего воспоминания. Парфитовской фантазии стоит противопоставить другой сюжет на тему транспортировки, в котором будущее и прошлое предстают как *абсолютная ставка* в установлении тождества – то *забытое и непрерывно забываемое* в нем, что обуславливает возможность свидетельства с позиции первого лица. Речь идет о фильме «Престиж» (2006 г.), снятом по одноименному роману Кристофера Приста, в котором два иллюзиониста представляют фокус мгновенного перемещения из одного конца сцены в другой, причем тайна фокуса связана с тем, как каждый из них решает проблему идентичности. Персонаж Кристиана Бейла реализует модель гегелевской игры рефлексии, поскольку в конце фильма мы узнаем, что он не существует в единственном числе, ибо его помощник, с которым он неразлучен, на самом деле является его братом-близнецом. Мы находим здесь ситуацию зеркала как инаковости, которая позволяет духу отчуждать себя в ином и снова возвращаться к себе благодаря полному подобию лица и его отражения в другом, в близнеце, предстающем иным воплощением того же едино-множественного духа. Совершенно иная идентичность формируется у персонажа Хью Джекмана. Он приобретает уникальный аппарат, способный производить его двойника, и проблема состоит лишь в том, чтобы в нужный момент убрать двойника и представить свое появление как перенесение через расстояние. Но поскольку двойник абсолютно ничем не отличается от оригинала, его устранение уже не возвращает к исходному тождеству, ведь, убивая его, персонаж Джекмана фактически убивает самого себя. Первое убийство совершается тем из двух двойников, у которого под рукой оказывается пистолет, и мы можем полагать, что убивает именно иллюзионист, с которого аппарат снимает копию, но это убийственное сохранение собственной исключительности полностью переворачивает традиционную, то есть локковскую, концепцию тождества, поскольку в ней тождество лица определяется как единство памяти о прошлом, которое конституируется в акте воспоминания в настоящем. Двойник, который появляется из аппарата, – этот тот же герой, но принадлежащий новому настоящему, тогда как его прототип, очевидно, принадлежит прошлому, безумным решением и мстительной волей которого он собственно и вооружен. Таким образом, он и есть свое прошлое, маниакально убивающее каждое новое настоящее.

Проблема тождества, как мы видим, может пониматься различным образом в зависимости от того, как толкуется отношение настоящего и прошлого. Попытка установить полный контроль над памятью, или хотя бы максимальную связность воспоминаний, ведет к тому, что может быть утрачено само различие настоящего и прошлого. В этом случае вместо единства лица мы обнаруживаем множественность отдельных личин, либо идентичность, живущую убийством своих двойников и отражений, возникающих на границе прошлого и нового настоящего. Иное толкование дает концепция Локка, поскольку в ней допускается забвение как необходимое свойство памяти, одновременная открытость памяти прошлому и будущему. Попытка контролировать прошлое в конечном итоге всегда оказывается попыткой подчинить контролю память и то забытое в ней, благодаря которому нам удастся отпустить прошлое, а еще прежде – видеть в настоящем лишь проходящее, прошлое для будущего, видеть возможность выбора как своего будущего, так и – прошлого. Именно это забытое не позволяет тождеству сжиматься до мертвого оскала прошлого, оставаясь в нем не сводимой к определенной форме *единичностью присутствия*, возможностью свидетельствовать о забытом в себе как праве личной позиции.

Список литературы

1. Анкерсмит Ф. Р. Возвышенный исторический опыт / пер. с англ. М.: Европа, 2007. 612 с.
2. Нора П. Проблематика мест памяти // Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж. де, Винок М. Франция-память / пер. с франц. Д. Хапаевой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 17-50.
3. Парфит Д. Что мы думаем о том, кто мы такие / пер. И. Ю. Ларионова // Метафизические исследования. Поиск тела: альманах Лаборатории метафизических исследований при Философском факультете Санкт-Петербургского государственного университета. 2008. № 215. С. 256-280.
4. Фуко М. Археология знания / пер. с франц. С. Митина, Д. Стасова. К.: Ника-Центр, 1996. 208 с.
5. Шевцов К. П. Мера души: сознание и память в концепции Джона Локка // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. XXXIV. № 4. С. 191-203.
6. Юм Д. Сочинения: в 2-х т. / пер. с англ. 2-е изд., испр. и доп. М.: Мысль, 1996. Т. 1. 735 с.
7. Hacking I. Rewriting the Soul: Multiple Personality and the Sciences of Memory. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1995. 352 p.

FORGETTING AND MEMORY IN THE STRUCTURE OF PERSONAL SAMENESS

Shevtsov Konstantin Pavlovich, Ph. D. in Philosophy
Saint Petersburg State University
shvkst@list.ru

The article analyzes the role of memory and forgetting in the formation of identity. The study by Ian Hacking of the mental insanity 'Dissociative Identity Disorder' causing the formation of different centers of identity in one individual is a foundation for the analysis. An example of this insanity shows that even in case of multiple identity there is a need in the formation of sameness on the basis of the reference of memory to what remains beyond it, in the area of initially forgotten.

Key words and phrases: forgetting; memory; the past; the present; identity; history; tradition; archive; power; violence; insanity.

УДК 316.3

Социологические науки

В статье представлены результаты анализа развития физической культуры студентов-юношей. На основе данных контрольных испытаний и результатов социологического исследования авторы доказывают наличие тенденции к снижению мотивации активности физкультурно-спортивной деятельности студентов, вскрывают причины проблемы. Итоги исследования приводят к выводу о том, что системообразующим фактором состояния развития физической культуры личности студентов является ценностное отношение к физкультурно-спортивной деятельности, формирующееся на основе знаний, опыта и мотивации.

Ключевые слова и фразы: физическая культура личности студента; контрольные испытания; уровень физической подготовленности; мотивация к активной физкультурно-спортивной деятельности; самостоятельные занятия физкультурой и спортом; интенсивность проявления мотивации к здоровому образу жизни; мотивация к практической физкультурно-спортивной деятельности.

Шпак Александр Сергеевич, к.т.н., доцент
Иваница Иван Александрович
Дальневосточный федеральный университет
shpakas@mail.ru; 12henry14@mail.ru

ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ РАЗВИТИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ

Физическая культура личности студента – один из основных компонентов, составляющих общую культуру студента, во многом определяющий его жизненные ценности, поведение в социальной среде, формирующий устойчивую мотивацию к физкультурно-спортивной деятельности и поддержанию здорового образа жизни.